

ТВОРЧЕСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ

ЮБИЛЕЙ АКТЕРА

ТРИДЦАТЬЮ годами отмерен творческий путь актера Магаданского музыкально-драматического театра имени Горького Анатолия Алексеевича Губского от самой первой, эпизодической роли до сегодняшних дней. Сколько же ролей было сыграно им за это время? Пожалуй, более ста. И все его персонажи, какими бы они ни были: добрыми или злыми, молодыми или старыми, трусливыми или отважными — всегда по-своему дороги ему, ибо их жизнью ему пришлось жить на сцене и их судьба становилась его судьбой.

А все началось с самодеятельности, которой Губский увлекся еще будучи учеником школы фабрично-заводского обучения. Он участвовал в художественной самодеятельности, часто посещал спектакли Кировоградского театра русской драмы. Потом занятия в театральной студии. Он играл в спектаклях, поставленных по пьесам Лопе де Вега и Виктора Гюго. Из отечественной драматургии особенно любил классические пьесы Островского и с успехом исполнял в них главные роли. Играл он и в пьесах советских драматургов — Горького, Булгакова, Погодина, Корнейчука, Штока...

Зачастую Губский играет без сложного грима, да и в нем, собственно, нет особенной нужды. Перевоплощение его столь велико, что даже зрители, хорошо знающие актера, невольно удивлялись:

— Губский сегодня сам не свой. И жесты не его, и походка не та, и фигура какой-то нелепой кажется, вроде бы другой человек, — с неудовольствием замечали они поначалу, но потом сживались с этим «новым» Губским, убедившись, что именно так должен ходить и говорить его герой, только так и не иначе.

В пьесе Вампилова «Старший сын» Губский играет роль Сарафанова, образ сложный и противоречивый. Но актер находит такие своеобразные детали в трактовке характера своего героя, что во всем облике Сарафанова вдруг оказывается столько обаятельного, непосредственного, искреннего, что невольно проникаешься к нему сочувствием, перерастающим в симпатию.

И вот наступает момент, когда Сарафанов с отчаянием, с душевной болью хлещет самого себя сильными, яростными пощечинами, и каждый удар эхом отзывается в зале. В финале пьесы Сарафанов уже не тот, каким был в первом действии. Он преобразился внешне, изменился и внутренне. К нему вернулась вера по всепобеждающее добро, вера в самого себя.

В спектакле по пьесе Шукшина «Здравствуйте, люди!» Губский играет две маленькие роли, где его герои — полная противоположность друг другу. Актер показывает их столь простодушными

и непосредственными, что все их душевные движения, казалось бы, не таили в себе никаких загадок. Но за верхним слоем сценических характеристик Губский находил и как бы исподволь приоткрывал другие, куда более глубоко лежащие слои. И это позволило зрителю отчетливо увидеть благородство и человечность, поэтичность и жизнелюбие шукшинских героев.

Удивительную импровизацию, разнообразие актерского мастерства, утонченный психологический рисунок продемонстрировал Губский, исполняя роль тюремщика в пьесе Горина «Забыть Герострата!». Он создал образ, в котором под личиной простака-пьяницы зрители сумели распознать алчность и лицемерие, человеконенавистничество прислужников тирании. Сложность актерской работы заключалась в том, что образ тю-

ремщика, по мысли автора пьесы, должен был решаться в комедийном ключе. А актер своей игрой придал ему глубокую сатирическую остроту.

Губский в совершенстве владеет искусством речевого перевоплощения. Вспомним хотя бы роль капитана Скирды из спектакля, поставленного по пьесе Коломийца «Голубые олени». Раненый, смертельно уставший советский офицер остается предельно собранным, волевым и бесстрашным.

Сведенные контузией мышцы лица и язык плохо слушаются капитана, но он должен говорить так, чтобы в его словах звучала уверенность, твердость, непоколебимость. И капитан устами актера говорит именно так, хотя каждое слово стоит ему невероятных усилий. В этой небольшой роли Губскому удалось выразительно подчеркнуть, что его герой ощущает себя частицей народа, сражающегося за свою независимость. И это придает ему огромную нравственную силу.

И так во всех ролях, больших и малых, Губский находит свое решение, свой рисунок, свою трактовку образа. Постоянное стремление к оригинальной, подчас неожиданной, трактовке роли позволяет ему открывать для зрителя новые грани того или иного образа, стирать невидимую черту, разделяющую сцену со зрительным залом, выводить свои персонажи в ряды реально существующих людей.

Но Губский не только актер. В его режиссуре в разное время были осуществлены постановки спектаклей «Бедность не порок», «Аленький цветочек», «Тульский секрет». И как любая другая работа в театре, эти спектакли были отмечены высоким профессионализмом, хорошим художественным вкусом.

Сейчас у Анатолия Алексеевича — пора творческой зрелости. И северяне, несомненно, увидят на сцене своего театра его новые интересные работы.

В. БАДАСЕН.

